

С.П. Мельгунов

АЛЕКСАНДР I СФИНКС НА ТРОНЕ

Тайны
Российской
Империи

Тайны Российской империи

Сергей Мельгунов

Александр I. Сфинкс на троне

«ВЕЧЕ»

2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Мельгунов С. П.

Александр I. Сфинкс на троне / С. П. Мельгунов — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Тайны Российской империи)

Согласно официальной версии, император Александр I умер во время путешествия по России от стремительно развивавшейся болезни. Однако если попытаться внимательно рассмотреть события в жизни императора и его взаимоотношения со своими приближенными, то картина складывается совершенно иная. В своей работе известный историк С.П. Мельгунов пытается ближе подойти к разгадке царской трагедии путем детального описания лиц Александровской эпохи – тех, с которыми он замыслил либеральные реформы, и тех, кто оказался его соратниками в период переоценки его взглядов. Автор приходит к сенсационным выводам...

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Содержание

«Дней Александровых прекрасное начало»	6
От автора	10
Император Александр I. Сфинкс на престоле	11
I	12
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Петрович Мельгунов

Александр I. Сфинкс на троне

© Гончаренко О.Г., предисловие, 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

«Дней Александровых прекрасное начало»

(О книге профессора С. Мельгунова «Дела и люди Александровского времени»)

Из обширной библиографии о государе Александре I Павловиче, составившейся за почти два столетия со дня его кончины, книга профессора Мельгунова представляет в наши дни особую ценность. Её автор столь долго и кропотливо собирал данные о своем герое, так вдумчиво анализировал события предыдущего и весьма краткого царствования его отца, императора Павла I, столь тщательно разбирал творчество современников, пытавшихся воссоздать художественный образ этого государя¹, что, по существу, оказался самым качественным, после Н.К. Шильдера², исследователем Александровского времени.

Волна читательского интереса к личности Александра I пришлась на время Серебряного века русского искусства, почтившего своим благосклонным вниманием образы эпохи Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла, вдохновивших творческих людей начала XX века на создание сюжетов в изобразительном искусстве и сочинительство³.

Эстетика той куртуазной повседневности привлекала многих художников, вынужденных довольствоваться современной условностью форм «века Модерна», и писателей, искавших случая выразить затаенную тревогу перед наступившим «ужасным веком», прячась в воображаемый уют елизаветинской архаики.

Именно в ту пору появилось сенсационное исследование, относящееся более к опытам построения альтернативных исторических линий, чем к подлинной истории императора, рисующее со всей убедительностью появление после его кончины в Сибири некоего светского человека, путешествующего в крестьянском платье и именующего себя «старцем Федором Кузьмичом». События таинственной и полной загадок смерти государя давали подобной трактовке сюжета немало поводов. Исполненное подлинного величия царствование Александра, хотя и имело значительное количество прижизненных и посмертных критиков, в памяти русского человека осталось примером торжества национального духа и избавления от иноземного вторжения. Загадочная таганрогская кончина жизненного пути Александра I стала в народной памяти, столь досадным и нелогичным завершением великого правления, что сознание многих современных ему людей и ближайших потомков отказывалось принимать этот весьма печальный факт на веру. Именно потому легенды о старце Федоре Кузьмиче, жившие до определенного времени в виде устных преданий, в начале XX века были облечены в форму научно-образных бытописаний этого необычного человека, в котором общество стремилось угадать сбежавшего от убийц государя.

Здесь читатель вполне уместно удивится такой постановке вопроса, ведь согласно официальной версии, Александр I умер во время путешествия по России от болезни, полученной и стремительно развившейся у него в Приазовском крае. Однако если внимательно попытаться оценить события в жизни императора и его взаимоотношения со своими приближенными – чинами двора и государственными деятелями, то картина складывается иная. Именно этим превосходным образом и занимался в своих работах профессор Мельгунов, пытаясь подойти

¹ С. Мельгунов. Мережковский и его роман Александр I. 1923 г. // Дела и люди Александровского времени. Берлин: изд. «Ватага», 1923.

² Шильдер Н.К. Александр Первый. В 4 т. СПб.: изд. А.Ф. Маркса, 1897.

³ Рисунки и альбомы А. Бенуа, Е. Лансере, В. Добужинского, К. Сомова, тематические статьи А. Трубникова, М. Чулкова, и стихотворения А. Ахматовой в журнале «Аполлон» за 1909–1917 гг. и проч.

ближе к разгадке царской трагедии путем детального описания лиц Александровской эпохи, чтобы подвести читателя к порой сенсационным для себя выводам.

Вся жизнь государя, которую Мельгунов делит на три тематических раздела – период царствования его отца императора Павла Петровича, время больших планов преобразований начала XIX века – охарактеризованное Пушкиным, как «прекрасное начало» правления Александра, и военную пору – годы великих побед в Отечественной войне 1812 года и европейских походов 1812–1814 годов, довольно полно раскрывающих картины эволюции общественных взглядов цесаревича и впоследствии молодого императора.

Вступив в зрелые лета, Александр поэтапно пересмотрел своё отношение ко многим, ранее казавшимся ему бесспорным истинам, познав их губительные для православного отечества истоки. Это самым роковым образом обрекло его в последующие годы на роль преследуемой жертвы, охота на которую велась русским масонством – большая часть их в разное время составила ближайшее окружение государя. Среди могущественных врагов императора оказались чины двора, гвардии и армии.

Трудно сказать, в какое именно время произошла смена нравственных ориентиров и освобождение от пут условностей, удерживавших императора от исполнения долга православного государя, но еще в 1812 году он неожиданно продемонстрировал неожиданный для многих масонов шаг – выслал из столицы государственного секретаря М.М. Сперанского. Значимость шага можно оценить при условии понимания сущности данной персоны, бывшего долгое время приближенным к императору, и вместе с тем человеком, всегда тесно связанным с французскими масонскими кругами. Сперанский был заменен «без лести преданным» А.А. Аракчеевым, человеком с точки зрения современности сомнительных личных качеств, однако далекого от масонства, патриота своего Отечества, радеющего за интересы России. Русский масон, впоследствии «декабрист» Н.И. Тургенев, взявшийся в своей личной переписке оценивать деятельность императора, с горестным недоумением констатировал, что то был «один из тех актов деспотизма, которые до тех пор не наблюдались в царствование Александра».

1 августа 1822 года Александр I своим указом запретил в стране масонство, что вынудило все российские ложи к подпольному существованию, создав тем самым вероятность постоянной угрозы преследования со стороны властей. Так стало в России, а почти годом ранее масонские ложи были уже запрещены и в Царстве Польском, и в прибалтийских губерниях. В Польше были даже совершены аресты нескольких «вольных каменщиков» за некую «конспиративную деятельность».

В период 1823–1825 годов Александр содействовал закрытию Министерства просвещения, как института распространения масонской идеологии, отставку покровителя русских масонов А.Н. Голицына и депортацию за рубеж автора нашумевшей в Петербурге книги – директора Библийского общества Госнера. Последовавший именной указ государя об удалении из Петербурга в Симбирск известного масона ложи розенкрейцеров А.Ф. Лабзина, повсеместное закрытие ланкастерских школ, запрет на издание журналов «Друг юношества» и «Сионский вестник», издаваемый и финансируемый столичными масонами, создали невероятные затруднения на пути деятельности российских лож.

Не реализованные благие порывы юности цесаревича, мечтавшего о либеральном сообществе в России и трансформации русского уклада в рамки западной общественной жизни, обернулись разочарованием и озлобленностью «просвещенной» части русского общества. Н.И. Тургенев продолжал в переписке порицать императора: «А тот, которым восхищалась Европа и который был для России некогда надеждою, как он переменялся! Одним словом, теперь ничего нельзя предвидеть хорошего для России».

Братья по ложам в Европе были обеспокоены ходом событий в Царстве Польском и остзейских землях. Некогда искренний покровитель «вольных каменщиков» раз и навсегда переменялся в своих убеждениях в «худшую сторону», лишив их возможности чувствовать себя

в безопасности на всем пространстве необъятной Российской империи. А ведь им был еще памятен тот период, когда по обещаниям Александра братьям по ложе, данным на заре его правления, его целью должна была стать идея дарования России конституции по восшествии на престол, чтобы облагодетельствовать ею народ и открыть для него повсеместные возможности «просвещения умов». Затем, подписав манифест об отречении, любоваться расцветом русской жизни при конституционной монархии, поселившись с женою частным образом в каком-нибудь из городков на благословенном Рейне.

И хотя этого не случилось, до времени, масонское сообщество не особенно тревожил «отход» молодого императора от первоначально намеченного графика исполнения совместных замыслов. Ведь и сами связи Александра с масонами оставались не просто крепки, но и практически казались неразрывными, ибо будущий августейший реформатор, на которого делало ставку европейское масонство, был введен в его ряды в 1803 году самим гроссмейстером великой ложи «Владимира к порядку» И. Бёбером, что демонстрировало известную долю доверия и пиетета.

Пребывание Александра в ложах затянулось, и даже после окончания победоносного похода русских войск в Европу император еще продолжал состоять в ложе «К военной верности», в которой были многие офицеры лейб-гвардии Конного полка, возникшей в 1812 году и посвященной конногвардейцами самому императору. Вместе с братом, цесаревичем Константином Павловичем, Александр состоял и в «Великом Востоке Польши», а в течение 1815–1817 годов, в пору особенной увлеченности мистицизмом, неоднократно посещал ложу «Трех Добродетелей».

Переоценка роли масонства в жизни России, да и собственных взглядов на задачи православного государя, заставила Александра по-новому взглянуть на результаты деятельности лож, впервые заставив задуматься над собственным державным долгом – хранить самодержавие как гарантию целостности и величия страны.

Ставший исторической аксиомой факт, что сильная Россия никогда не нужна была Европе и всегда страшила её, объясняет выводы, к которым пришли европейские «братья», оценив поступки Александра в 1819–1823 годы, как случай «коварного отступничества» собрата по ложам, над умом которого возобладали идея «великой России» вопреки «внутрипартийной дисциплине» лож. Игнорировать ее едва бы решился иной государь, хорошо осведомленный о последствиях такового «проступка».

В этом смысле книга Сергея Мельгунова дает любопытные характеристики современников императора, с которыми он только замышлял либеральные преобразования в России, но также и тех, кто оказался его новыми соратниками в период переоценки взглядов. Ведь без хотя бы воодушевления и прямого одобрения многих из них Александр едва бы решился на столь решительные меры по отношению к противникам. Вспомним хотя бы события, в ходе которых недовольным отходом царя от либеральных ценностей офицерам лейб-гвардии Семёновского полка Александром было недвусмысленно указано, кто правит в государстве. Увольнение генерала М.А. Фонвизина и полковника А.Ф. Бриггена, а также офицеров М. Муравьева и И.А. Фонвизина от службы, ссылка в Ярославль полковника П.Х. Граббе, снятие с должности при петербургском генерал-губернаторе Ф.И. Глинки, отстранение от командования дивизией генерала М.Ф. Орлова явились звеньями одной цепи. К слову сказать, почти все вышеупомянутые чины оказались в 1825 году в числе новых заговорщиков, именуемых в истории «декабристами», и получили по заслугам от взойшедшего на престол императора Николая I.

Личности Александровской эпохи помогают понять и объяснить не только атмосферу борьбы и антимонархических заговоров того времени, но в изложении профессора Мельгунова масштабно рисуют исторический фон времени, открывая читателю смысл и значение происшедших событий. И хотя автор не успел реализовать задачу проследить дальнейшее после 1812 года развитие событий в жизни самого государя и страны в целом, начало, положенное в пер-

вой книге, позволяет оценить широту авторского замысла – характеристика лиц и их деяний в «переходные» годы царствования, ясно обуславливающая дальнейшее развитие хода истории.

О.Г. Гончаренко, к.п.н.

17 августа 2009 года

От автора

Настоящий сборник составился из статей, напечатанных в старой еще России в разных изданиях за истекшие 10–15 лет.

Многие из статей появляются здесь в значительно переработанном и дополненном виде с привлечением некоторых еще неизданных материалов. К сожалению, одна из статей пропала у автора и восстановить ее в Берлине не представлялось возможности, почему очерк о вождях русской армии в период Отечественной войны, долженствовавший заключать параллельную характеристику Барклая де Толли и Кутузова, охватывает лишь образ Барклая и рисует его взаимные отношения с главным его антагонистом кн. Багратионом. Автор тем не менее ввел в сборник эту как бы незаконченную главу ввиду того, что она набрасывает общие черты состояния русской армии и психологии некоторых слоев общества описываемой эпохи.

Разрозненные статьи, написанные по случайным поводам, в совокупности дают некоторую общую канву для характеристики эпохи Александра I, столь близкой нам по своим настроениям в некоторых общественных кругах. Мистика и реакция александровского времени являлась непосредственным результатом мировых событий, пережитых русским обществом первой четверти прошлого столетия. Не в той же ли атмосфере нарождающихся общественных настроений живем мы под влиянием событий, ареной которых была наша родина за истекшее десятилетие? Нет нужды проводить аналогию, но история не так уже разнообразна в выборе своих мотивов, и подчас причины и следствия бывают однородны в эпохи, далекие друг от друга.

Император Александр I. Сфинкс на престоле

(Черты для характеристики Александра I)

I

История давно уже сделала из императора Александра I своего рода историческую загадку: «Сфинкс, не разгаданный до гроба, о нем и ныне спорят вновь», – сказал еще кн. П.А. Вяземский об Александре. И в самом деле, как объяснить «противоречия», которыми так богата вся деятельность Александра? Как объяснить удивительное совмещение «благородных» принципов ранних лет с позднейшей жестокой аракчеевской практикой? Дано немало уже объяснений этой непонятной и сложной психики соперника Наполеона, вызывавшего самые противоречивые характеристики со стороны современников.

Прежняя даже критическая историография⁴ как бы реабилитировала перед потомством личность Александра. «Мы примиряемся с его личностью потому, – писал Пыпин в своих очерках «Общественное движение», – что в источнике его недостатков находим не дурные наклонности, а недостаток воспитания воли и недостаток понимания отношений, что в глубине побуждений его лежали часто наилучшие стремления, которым недоставало только школы и благоприятных условий». Александр был «одним из наиболее характеристических представителей» своего времени: «он сам лично делил различные настроения этого времени, и то брожение общественных идей, которое начинало тогда проникать в русскую жизнь, как будто отражалось в нем самом таким же нерешительным брожением. Так, сперва он мечтал о самых широких преобразованиях, о каких только думали самые смелые умы тогдашнего русского общества: он был либералом, приверженцем конституционных учреждений... в другое время, смущаясь перед действительными трудностями и воображаемыми опасностями, он становился консерваторм, реакционером, пиетистом». Теми «трудными положениями», которые ставила Александру сама жизнь, Пыпин в значительной степени готов был объяснять двойственность и неуверенность в характере Александра. Он был всегда искренен, когда в одно и то же время колебался между двумя совершенно различными настроениями. Та «периодичность воззрений», которую отмечает Меттерних, не являлась выражением какого-то сознательного лицемерия. Его внутренние тревоги даже в период реакционной политики показывают в нем не бессердечного лицемера или тирана, каким его нередко изображали, а человека заблуждавшегося, но способного вызвать к себе сочувствие, потому что во всяком случае это был человек с нравственными идеалами.

Еще более теплую характеристику Александра дал Ключевский в своем знаменитом литографированном курсе: «Александр был прекрасный цветок, но тепличный, не успевший акклиматизироваться на русской почве: он рос и цвел роскошно, пока стояла хорошая погода, наполняя окружающую среду благоуханием, а как подула северная буря, как настало наше русское осеннее ненастье, этот цветок завял и опустился». Александр был воспитан в политических идиллиях, у него не было необходимого «чутья действительности», и те «слишком широкие мечты», с которыми он вступил в правительственную деятельность, разбились о встреченные препятствия, о незнание практической жизни. Неудачи вызывали утомление и раздражение.

Таков был «коронованный Гамлет», как назвал Александра Герцен. В духе этой прежней историографии характеризует Александра и автор новейшей его биографии проф. Фирсов. Александра нельзя изображать как «двуличного деятеля, как хладнокровного хитреца». Это была сложная, хрупкая психическая организация. Александр явился «моральной жертвой

⁴ Мы не говорим, конечно, о той ранней истории царствования Александра, которая, по одному меткому выражению, представляла собой «только восторженные восклицания». Типичным образцом такой оценки может служить, например, апофеоз наивного Федора Глинка в «письмах русского офицера»: «Когда поколебаются царства и потрясутся престолы, тогда Государь, над главою которого зашумят бури, взглянет с доверенностью в бытия прошедших времен, увидит лучезарное имя Александра I, возьмет с него пример твердой непоколебимости».

русской истории XVIII века, точнее – истории русского престола». Это – жертва среды; это – монарх, «морально не вынесший самодержавной власти, унаследованной им при помощи дворцовой революции с смертельным исходом для царствующего государя». Физическая гибель Павла повлекла за собой моральную гибель Александра. «Вечное терзание совести» надломило хрупкую психическую организацию. Поэтому судьба Александра полна самого «трогательного драматизма». «Я должен страдать, ибо ничто не в силах утешать мои душевные муки», – говорил Александр Чарторижскому. И Александр страдал но, изверившись, все-таки не перестал видеть в «благородных принципах» идейную красоту, и они продолжали сохранять в его глазах известное эстетическое значение. Он «сохранил их в глубине своей души, лелея и оберегая от постороннего влияния, как тайную страсть, которую он не решался раскрыть перед обществом, не способным понимать его»...

Однако как проникнуть взором историка в то, что оберегается, как тайная страсть, в сферу «мистических созерцаний и покаянных молитв»? Слишком уж субъективен будет при таких условиях психологический анализ исторических деятелей. Быть может, современная скептическая историография в своем «иконоборстве», как выразился кн. Вяземский, понижает «величавость истории и стирает с нее блеск поэтической действительности», но зато она оперирует только над реальными фактами. И число таких фактов, входящих в оборот исторических изысканий, с каждым годом увеличивается. Когда Пыпин писал свой очерк, он должен был сделать оговорку, что «подробности истории Александра еще слишком мало известны» для того, чтобы определенно объяснить резкие «противоречия», с которыми мы постоянно встречаемся и в характере Александра, и в его деятельности, и в отзывах о нем современников. История Александра еще далека, конечно, и теперь от полноты. Но многое из того, что прежде было неясным, достаточно вырисовывается уже на фоне новых изысканий. И, быть может, прежде всего та искренность Александра, в которую веровала прежняя историография, значительно потускнела под скальпелем современного исторического анализа; и все рельефнее под ним выступает та оборотная сторона медали, которая омрачала на первых же порах «дней александровых прекрасное начало». Многие из отрицательных черт Александра, отмеченные современниками, найдут себе конкретное подтверждение в действительности, очень далекой от осуществления «благородных принципов» и идеальных мечтаний в юной молодости.

Современный историк ныне уже без труда ответит на то недоумение, которое выражал декабрист Штейнгель в записке Николаю I: блеск царствования Александра сделал «особу его любезною и священною для Россиян современников». Но по непостижимому для нас противоречию, которое, к изумлению грядущих веков, может быть, объяснит одна только беспристрастная история, «царствование его»... «было тягостно даже до последнего изнеможения»⁵.

⁵ Настоящая статья была напечатана в 1912 г. в юбилейном издании «Отечественная война и русское общество», вышедшем под редакцией А.К. Дживелегова, В.И. Пичета и моей. Приходится оговориться, что мое упрощенное понимание «загадочного сфинкса» начала XIX в. вызвало возражение в печати. Напр., в рецензии А.А. Кизеветтера в «Русской Мысли», согласного в общем, однако, с точкой зрения автора; в рецензии Б.И. Сыромятникова в «Вестнике Воспитания», по-видимому, склоняющегося к старому пониманию и мало считающегося с новыми данными. Наконец, совершенно отрицательно отнесся к моей характеристике рецензент «Современника» г. Бороздин (с чем, впрочем, не согласилась сама редакция). Не знаю компетентность г. Бороздина в данном вопросе, но не могу не отметить одного курьеза: рецензент торжественно говорит, что мои взгляды являются шагом назад после работы великого князя Николая Михайловича. Может быть, но только почтенный рецензент забыл сделать существенную оговорку, что моя статья появилась в свет за год слишком до указанной работы. Насколько субъективна оценка личности, показывает то, что если один рецензент готов признать мою статью публицистическим упражнением на историческую тему, почти памфлетом, за отрицательное отношение к личности Александра, то другие (Н. А. Рожков в «Современном Мире») упрекали меня за шаблонную идеализацию. Очевидно, истина лежит посередине. Сам по себе факт столь противоположной оценки свидетельствует, что статья моя не является тенденциозным памфлетом и в ней дана в общем правильная, неизбежно, конечно, субъективная, характеристика Александра. Статья в этом сборнике появляется, в сущности, без изменений. Считал лишь необходимым дополнить изложение новыми фактами, подтверждающими высказанную точку зрения. После написания статьи появилась большая работа в. кн. Николая Михайловича, изобилующая, особенно в приложениях, ценным документальным материалом (важная публикация в 1913 г. была сделана еще Ник. Мих. изданием донесений за 1816–1826 гг. Меттерниху, австрийского посланника при русском дворе, гр. Лебелльтерна, женатого

Мы не будем останавливаться на подробностях воспитания Александра, в достаточной степени выясненного в литературе. Это «заботливое» воспитание, согласно всем правилам тогдашней философской педагогики, действительно чрезвычайно мало содействовало выработке сознательного и вдумчивого отношения к гражданским обязанностям правителя: Александра, по меткому выражению Ключевского, как «сухую губку, пропитывало дистиллированной и общечеловеческой моралью», т. е. ходячими принципами, не имеющими решительно никакого отношения к реальным потребностям жизни.

В лице своей бабки он видел, как модные либеральные идеи прекрасно уживаются с реакционной практикой, как, не отставая от века, можно твердо держаться за старые традиции. «В душе я республиканка, – говорила царица, – но для блага русского народа абсолютная власть необходима». Как кто-то метко заметил, Екатерина любила философов подобно италианским артистам. От своего воспитателя, республиканца Лагарпа, Александр в сущности воспринимал то же умение сочетать несовместимое – либерализм со старым общественным укладом. Лагарпа по справедливости можно назвать «ходячей и очень говорливой французской книжкой», проповедовавшей отвлеченные принципы и в то же время старательно избегавшей касаться реальных язв, разъедавших государственный и общественный организм России. Республиканский наставник в практических вопросах был в сущности консерватором, отговаривавшим позже Александра от коренных реформаторских поползновений. Его идеалом было «разумное самодержавие», по выражению Шильдера. Как республиканство Лагарпа уживалось и мирилось с деспотическим правлением, так и теоретическое вольнодумство Александра, вынесенное из юных лет, было очень далеко от искреннего либерализма. В этом отношении Александр был типичным сыном своего века, когда отвлеченное вольтерьянство самым причудливым образом соединялось с ухищренными крепостническими тенденциями. Это характерная черта эпохи.

В «Азбуке изречений», составленной Екатериной, Александр вычитывал прописную мораль: «по рождению все люди равны»; в ходячих сентенциях Лагарпа ему открывались и другие непререкаемые догматы французских просветителей, и никто не проявлял в задушевных разговорах такой «ненависти» к деспотизму и «любви» к свободе, как Александр в юношеские годы. Он давал клятвенное обещание «утвердить благо России на основании непоколебимых законов», вывести несчастное отечество со стези страданий путем установления «свободной конституции». Он считает «наследственную монархию установлением несправедливым и нелепым, ибо неограниченная власть все творит шиворот-навыворот». «Я никогда не привыкну царствовать деспотом». Единственное «мое желание, – говорит он Лагарпу в 1797 г., – предохранить Россию от поползновения деспотизма и тирании». Лагарп «в течение целого года» не слышал от Александра слов «подданные и царство», он говорит о русских, называя их «соотечественники» или «сограждане» и т. д. Пост, место, должность – только такими словами характеризует Александр свое правительственное назначение. За год перед тем при первом свидании

на графине Лаваль, сестре жены декабриста Трубецкого. Ценный материал для характеристики Александра находится в книге Ал. Фурньера «Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress», вышедшей также в 1913 г.). Мое отношение к исследованию Ник. Мих. ясно из помещаемого ниже разбора его книги. Включая и эту последнюю статью в свой сборник, я не считал уже нужным отмечать разность взглядов при характеристике Александра. Одновременно с работой Ник. Мих. появилась и значительная статья А.А. Кизеветтера «Александр I и Аракчеев», вошедшая в его сборник «Исторические отклики». Обе эти работы не изменили точки зрения автора на личность Александра. Скорее в них нашлось подтверждение многих предположений, которые мне осторожно приходилось делать, ввиду отсутствия еще достаточного материала. Там, где мне подчас приходилось ставить в тексте «может быть», теперь с полным основанием можно поставить – «наверное». Так, не совсем соглашаясь с Вандалем при его характеристике Тильзитского свидания, приходилось указывать, что здесь Александр проявил свое обычное «в высшей степени рассчитанное притворство» и что он вел определенную, заранее намеченную, политику. Материалы, заключающиеся в работе Ник. Мих., с совершенной очевидностью подтвердили эту точку зрения. И другие предположения нашли ныне себе более тщательное фактическое обоснование во вновь опубликованных документах. Характеризуя роль и значение Аракчеева в царствовании Александра, мне приходилось отмечать в своей статье несоответствие шаблонного представления об этой роли с действительностью: я указывал, что Аракчеев был, в сущности, «лишь верным исполнителем велений своего шефа». Подобный взгляд подробно развит и блестяще доказан в упомянутом этюде А.А. Кизеветтера.

нии с Чарторижским он глубоко оплакивает падение Польши и порицает действия Екатерины. Костюшко для него великий человек. Так как в России никто не способен понять его, он конфиденциально сообщает Чарторижскому свои мысли в духе бесед с Лагарпом. Нация должна выбирать достойнейшего на пост правителя, и польскому патриоту с ссылкой на судьбы своей родины приходится возражать своему царственному другу. Чарторижский под влиянием этих бесед пишет записку о Польше, которую А. кладет в картон для того, чтобы о ней уже никогда больше не вспомнить.

Характеризуя «неимоверный беспорядок» в делах в интимном письме к Кочубею (10 мая 1796 г.), Александр говорит об отречении: «при таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством. Я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы. Вы вольны смеяться надо мною. Но подождите исполнения и уже тогда произнесите приговор...»

Исполнения пришлось бы Кочубею долго ждать. Уже в следующем году Александр соглашается, что он не должен отказываться от престола, но потому только, что «вместо добровольного изгнания» он сделает несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу.

Таков Александр-юноша в своих интимных беседах и мечтах...

Но не забудем, что в это время, в период и для дворянства кошмарного царствования Павла, ничто не могло снискать Александру большей популярности, как подобные признания.

Однако у некоторых современников, восторженно отзывавшихся о молодом Александре, возникают уже сомнения: не будет ли он при всех своих дарованиях пустоцветом. К ним относится Массой. «Несмотря на счастливые задатки, — замечает этот мемуарист, — ему угрожает царствование без славы». Почему? К сожалению, он человек «пассивных качеств» — чересчур «ранний брак смял его энергию». «Может быть, — добавляет Массой, — Бог предназначил его освободить тридцать миллионов рабов и сделать их достойными этой свободы». Только он «не забыл бы всех своих обещаний и лучших молодых порывов»...

Если чрез Лагарпа Александр приобщался к «лакомствам европейской мысли», то чрез другого его воспитателя, М.Н. Муравьева, в него усиленно внедрялось сентиментально-романтическое чувство, столь же характерное для эпохи. Напрасно в этом сентиментализме искать искренних эмоций. Их не могло быть, так как характерная черта сентиментализма именно «беспредметная чувствительность». Самые ничтожные причины вызывают аффект, завершающийся слезоизлиянием. Люди способны сидеть часами в глубокой меланхолической задумчивости, плакать, как Карамзин, когда сердцу «очень весело». Иногда совершенно непонятно, откуда только у современников могла являться эта слезотечивость. Происходит шумный праздник в Смольном институте в 1821 г. Гремит музыка, кругом иллюминация, на сцене веселый балет — и «все плачут», как сообщает Карамзин своему другу Дмитриеву.

«Тогда находили удовольствие в том, чтобы плакать, и когда плакали, то были веселы» — так характеризует позднее (1829 г.) «Московский Телеграф» раннюю александровскую эпоху. Этот ухищренный сентиментализм, в свою очередь, прекрасно уживался с барственным укладом жизни. Любопытно, что сентименталисты были по преимуществу и крепостниками.

Вероятно потому, что русский мужик в действительности не годился в качестве объекта идиллических мечтаний: «продолжительное рабство, — как утверждал впоследствии В. Панаев, — сделало их (нынешних пастухов и земледельцев) грубыми и лукавыми».

Доктор Руа, врач наполеоновской армии, оказавшийся в плену после 1812 г. и проживший в России два года, рисует портрет волжской помещицы г-жи М., удивительным образом сочетавшей жесточайшее сечение крепостных за разбитие фарфоровой чашки с самой изысканной чувствительностью: «Это был человек столь нежной чувствительности, что готова была

падать в обморок при малейшей испытываемой эмоции». Лай собаки, падение ребенка вызвали в ней настоящее нервное потрясение. Она без конца говорила всем и каждому о своей чувствительности, повторяя часто изречение, заимствованное ею из одной своей излюбленной книги: «Какой печальный подарок неба – чувствительное сердце». Но крики избиваемых крепостных не трогали ее чувствительного сердца – только изредка мешали «чтению романов», почему экзекуции иногда производились в дальних конюшнях.

И даже Аракчеев, отличавшийся редкой жестокостью, истязавший своих крестьян, собственноручно вырывавший усы у солдат во время смотра, весьма склонен был к сентиментальной чувствительности: он мог прослезиться при чувствительном рассказе и тут же приказать строго наказать десятилетнюю девочку за нечисто выметенную дорожку (Европеус); он любил наряду с самой изысканной порнографией почитать книжки «О вздыхании голубицы и пользе слез», «О нежных объятиях» и т. д. Да, щедринский градоначальник александровских времен Грустилов, с любовью смотревший, как токуют тетерева с такой же любовью, как секут девочек, взят из самой подлинной жизни!

Детство приучило и Александра к этой чувствительности. Муравьев развивал перед ним свои сентиментально-дидактические идиллии о любви к человечеству. И Александр любил, как рассказывает Чарторижский, в духе модного сентиментализма мечтать о сельском уединении, восторгаться полевым цветком, бытом поселян⁶. Сельский пейзаж легко вызывал в нем разговоры о бренности и суетности жизни, и он выражал охоту даже уступить «свое звание за ферму». Я «жажду лишь мира и спокойствия», – писал он Лагарпу 21 февр. 1796 г. Можно было бы подумать, что инертность натуры заставляет мечтать о «ленивых досугах спокойной жизни». Этой инертности отнюдь не было у Александра, как мы отчетливо увидим дальше. Не было и той «особенной глубины», которую видела Екатерина в природе своего внука. Его чувствительность была скорее наносного характера, как вся позднейшая мистика. Он сохранял чувствительность до конца жизни, и в нем она уживалась так же, как и у других, с проявлением большой подчас жестокости.

Александр – «сама добродетель», говорит о нем Екатерина. Однако эти обычные суждения о личной мягкости Александра в значительной степени опровергаются его поступками. Он горько плачет, когда И.И. Дмитриев («Мелочи») докладывает ему о жестоком обращении помещицы с дворовой девкой. «Боже мой! можем ли мы знать все, что у нас делается», – с горечью воскликнет он. Но затем Александр узнает, что ген. Тормасов келейно наказал розгами дворового Кириллова, который позволил себе на Тверском бульваре в Москве произнести «неприличные слова» насчет помещиков. «Неприличные слова» заключались в разговоре о вольности и независимости крепостных людей. Александр вознегует на слабость Тормасова: за «столь буйственный и дерзновенный поступок следовало наказать наистрожайшим образом и публично». Александр будет рыдать в объятиях Магницкого, когда тот будет докладывать о состоянии, в котором пребывает Казанский университет; он будет проливать «обильные слезы» в назидательной беседе с европейской пифией бар. Крюденер; его лицо оросится слезами в беседе с прибывшими в Петербург квакерами; он будет плакать, слушая, как Шишков читает свои глубокомысленные выкладки, почерпнутые из Священного Писания для объяснения современных событий и т. д. Он будет беседовать с квакерами о спасении души и веротерпимости, говорить в официальных указах, что человеческие заблуждения нельзя исправить насилием, а лишь просвещением и кротостью. Издаст знаменитый указ о духовоборах, который «останется честью России», по замечанию А.И. Тургенева, и прикажет расстрелять несколько духовоборов за отказ сражаться во время войны. Будет выслушивать проповеди «искупителя» – скопца Кондратия Селиванова, и тут же, вопреки решению военного суда, прикажет наказать солдат-скопцов батогами.

⁶ Припомним пастушеские идиллии в швейцарских домиках Марии Антуанеты в Трианоне.

Александр издаст в 1804 г. рескрипт ген. – лейтен. Украинской инспекции Бауру о прекращении жестокого обращения, но когда до него дойдет известие об усмирении Аракчеевым в 1819 г. бунта в чугуевских военных поселениях, – усмирения, во время которого многие умерли под шпицрутенами, Александр в ответном письме всецело одобрит своего друга и выскажет лишь сожаление о тех волнениях, которые должна была претерпеть «чувствительная душа» Аракчеева. «Жаль мне выше всякого изречения твоего чувствительного сердца», – повторяет он в письме к Аракчееву по поводу известия об убийстве крепостными свирепой любовницы последнего Анастасии Минкиной. Когда Александру будут говорить о вреде военных поселений, он скажет свою знаменитую фразу: «Они будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова».

Примером необычайной жестокости может служить позднейший приговор по семеновскому делу, где подсудимые солдаты за бытность в сражениях избавлялись от «бесчестного кнутом наказания», но присуждались к прогнанию шпицрутенами шесть раз через батальон, а затем к отправке в рудники. За что? За то, что они возмутились против жестокости командира полк. Шварца; за то, что Александр в их выступлении увидел политическую агитацию. Весь Петербург знал о зверствах начальника гвардейского гусарского полка В.В. Левашева. Вся гвардия, рассказывает М.И. Муравьев-Апостол, говорила о возмутительном случае с заслуженным вахмистром, вызвавшим его смерть. И Левашев не только оставался любимцем Александра, но находился в «еще большей милости».

Панегирист Александра и Растопчина Ал. Булгаков замечает по поводу пожертвования Александром 500 р. одной старухе, что «историографу Государя надобно бы следовать всюду за ним и собирать все сии ангельские черты доброты и великодушия». Но об этой доброте и великодушии приходится говорить очень относительно. И быть может, гораздо более прав официальный историк александровских дней, писавший, что Александр более «любил оказывать милость, нежели воздавать по заслугам», и охотнее дарил «тем, у которых и без того было много» (Русская старина. 1903 г. С. 1, 7). Сумасбродный Павел приказал было повесить смоленского помещика Храповицкого за то, что последний выслал крестьян чинить дорогу перед царским проездом, благословенный Александр, колесивший в течение всего своего царствования без толку по большим дорогам, управлявший Россией, по выражению Вяземского, «с почтовой коляски»⁷, заставлявший для себя прокладывать дороги по диким местам, в аналогичном случае на представление малороссийского ген. – губернатора кн. Репнина, что дороги плохи потому, что пришлось дать льготы крестьянам, не высылать их на большие дороги, обмолвился циничной фразой: «Что они дома сосут, то могут сосать на больших дорогах» (Якушкин)⁸.

Как, однако, характерны эти мелкие штрихи для обрисовки светлого идеализма Александра. Приходится поверить ген. С.А. Тучкову, отмечавшему прирожденную жестокость Александра.

Но Александр умел скрывать свои наклонности. Если «прекрасная Като», как называл Екатерину Вольтер, обладала редким даром обольщения людей, то, быть может, ее внук обладал им еще в большей степени.

Уже в детстве Александр необыкновенно «обходителен». Это – «редкий экземпляр красоты, доброты и смышленности», – писала о нем Гримму Екатерина. «О! он будет любезен, я в этом не обманусь» – эти слова относились к трехлетнему Александру. И действительно, «господин Александр» умел подходить к людям, умел им внушить по первому впечатлению симпатии и даже восторг.

⁷ Еще Воронцов справедливо замечал в письме к Строганову в 1803 г.: «Если бы вместо путешествий по большим дорогам он (т. е. А.) посвятил это время на изучение полезных для России реформ, положение было бы иное».

⁸ В. кн. Ник. Мих. отрицает возможность такой фразы у Александра. Это отрицание, так сказать, психологическое. Нам представляется, напротив, рассказ Якушкина правдоподобным.

«Это сущий прельститель», – сказал о нем Сперанский. Это «привлекательная особа, очаровывающая тех, кто соприкасается с ним», – повторил то же Наполеон Меттерниху. Привлекательная наружность Александра, «почти женская», по выражению Вигеля, сама по себе уже вызвала такое оболыщение, и особенно среди женщин⁹. «Грациозная любезность» Александра, его «умелая почтительность», «величественный вид», «бесчисленное множество оттенков» в голосе и манеры, отмечаемые графиней Шуазель, чудные, красивые «позы античных статуй», «глаза безоблачного неба», – все это придавало внешнее обаяние его фигуре¹⁰.

Вот, напр., запись Жихарева в дневнике 2 сент. 1806 г.: «Какая величавая наружность. Какой красавец и ко всему этому – какая душа! Что за ангельское лицо и платоническая улыбка».

Система воспитания и условия, при которых протекали юные годы, лишь изошрили природные черты – «се grand charmeur'a» – эту поистине виртуозную способность приспособляться и подносить при желании каждому «любимое его кушанье». Александр поражал своей «обходительностью» в три года, когда воспитание и среда не могли еще оказать влияния. Затем ему пришлось пройти хорошую школу угождения властолюбивой бабке и подозрительному отцу. И тут помог воспитатель, опытный царедворец Н.И. Салтыков. Александр прекрасно умел лавировать между салоном Екатерины и гатчинской казармой Павла, хотя и писал Кочубею, что ему очень трудно держаться «золотой середины». Ему приходилось жить «на два ума, – говорит Ключевский, – держать две парадные физиономии».

Это, правда, была хорошая школа скрытности и неискренности, но школа, которую легко было пройти Александру: и в салоне, и в казарме он чувствовал себя как дома. От перемены он отнюдь не попадал в «страдательное положение», и тяжелая «служба» при Павле не могла надломить его «восторженной и благородной натуры». Как ни странно, но восторженный поклонник просветительной философии был страстный любитель всякого рода фронтовых обязанностей. Очевидно, это была врожденная, наследственная черта, – черта, отличавшая деда и дошедшая до нелепых пределов при отце. Эту любовь к «милитаризму» в юные годы отмечает нам и воспитатель Александра Протасов в 1793 г., и друг его юности Чарторижский (1797 г.). Александр жалуется Лагарпу, что при Павле «капрал» предпочитается человеку образованному и полезному, но и сам предпочитает Аракчеева любому из своих друзей и охотно с ним переписывается в это время на тему о муштровке солдат. Это «по нашему, по-гатчински», – с удовольствием констатировали великие князья, когда речь заходила о сравнении двух порядков (Чарторижский).

Любовь к военным экзерцициям Александр сохранил на всю свою жизнь, уделяя им наибольшее время, и она, в конце концов, обращается действительно в «парадоманию», как назвал эту склонность Александра тот же Чарторижский. Молодой царь в периоде мечтаний о реформе одинаково занят и своими фронтовыми занятиями. Так, в 1803 г. он дает свое знаменитое предписание: при маршировке делать шаг в один аршин и таким шагом по 75 шагов в минуту, а скорым по 120 «и отнюдь от этой меры и каденсу ни в коем случае не отступать». Ген. С.А. Тучков в своих записках дает очень яркую картину казарменных наклонностей Александра, когда в 1805 г. автор записок попал в Петербург. Его двор, рассказывает Тучков, «сделался почти совсем похож на солдатскую казарму. Ординарцы, посыльные, ефрейторы, одетые для образца разных войск солдаты, с которыми он проводил по несколько часов, делая заметки мелом рукою на мундирах и исподних платьях, наполняли его кабинет вместе с образцовыми щетками для усов и сапог, дощечками для чищения пуговиц и других подобных мелочей». Беседует Александр с Тучковым на тему, что ружье изобретено не для того, чтобы «им только

⁹ См. в главе «Мелочи» заметку «Александр I и женщины».

¹⁰ Природа наделила его щедро самыми любезными качествами» (Чарторижский); «природа наделила его всякими достоинствами» (Массой).

делать на караул», и вдруг разговор сразу прерывается, так как Александр увидел, что гвардия при маршировке «недовольно опускает вниз носки сапогов». «Носки вниз!» – закричал Александр и бросился к флангу. Александр целыми часами в это время мог проводить в манеже, наблюдая за маршировкой: «Он качался беспрестанно с ноги на ногу, как маятник у часов, и повторял беспрестанно слова: “раз-раз” – во все время, как солдаты маршировали». В то же время Александр тщательно смотрел, чтобы на мундире было положенное число пуговиц, зубчатые вырезки клапанца заменяет прямыми и т. д.

Помимо Тучкова мы имеем немало и других аналогичных свидетельств.

«С грустью видят, – говорила Мария Федоровна в письме 18 апреля 1806 г., заключающем материнский совет обратить внимание на неудовольствие, существующее в столице и в провинции, – что Вы отдаете слишком много времени мелким ежедневным упражнениям, которым должны заниматься субалтерн-офицера».

В самый разгар творческой как бы работы на Венском конгрессе, когда шла речь о Польше, в чем Александр был лично заинтересован, так как вопрос затрагивал его самолюбие, он отдает предпочтение гусарской форме. Анштет должен представить записку о Польше, но он не торопится, ибо в данный момент Александр «слишком занят гусарской формой и безутешен, не имея подходящей, тогда как король прусский уже появился в форме гусара» (Фурньер).

И действительно, Александр – в этом отношении совершеннейший отец. Он всегда готов заниматься смотрами. Он считал, как и отец, рассказывает М.И. Муравьев-Апостол, своей «священной обязанностью» присутствовать каждый раз при разводе в Семеновском полку. Даже в июне 1812 г. в Вильне разводы занимают первое место. На смотрах Александр видит только наружность: стойку, вытянутый носок, неподвижность плеч, параллелизм шеренг, как сообщает позднее – в 1820 г. – ген. Сабанеев, сам большой фронтовик. «У нас были шаги петербургские, могилевские и варшавские», – дополняет Муравьев. Эти шаги измерялись по хронометру, и надо было шагать так, чтобы султан на голове не шевелился.

В.И. Бакунина рассказывает в своих воспоминаниях, как 13 января 1812 г. арестовываются все офицеры третьего батальона пешего полка гвардии за «плохую маршировку». Был сильный мороз, и офицеры озябли... Хорошо известен случай, столь сильное впечатление произведший на И.Д. Якушкина, в 1814 г., когда Александр бросился с обнаженной шпагой на мужика, пробежавшего через улицу перед лошадью императора, готовившегося отдать честь императрице. Блестящий маневр по всем правилам искусства не удался, и это взорвало всегда столь сдержанного Александра. Чем дальше, тем больше. И в конце концов «разводы, парады и военные смотры были почти его единственные занятия» (Якушкин).

Это был удел и для всех военных. В одном неопубликованном еще письме молодого кн. И. Щербатова к отцу и сестре в 1817 г. раздается горькая жалоба, что все время с 3 час. утра до 6 вечера уходит на военные экзерциции: с 7 – 11 в роте, с 11 – 1½ развод, 2–5½ ученье в манеже. «Странно ли после сего, – пессимистически замечает молодой служака, – что большая часть из нас никуда не кажет носу»... Военные занятия настолько поглощали самого Александра, что в 1824 г., узнав о смерти той, которую считал своей дочерью, Софьи Нарышкиной, он заливается слезами, но тем не менее отправляется на учение и, только окончив его, едет поклониться праху умершей... Вероятно, и военные поселения, достигшие под аракатеевской палкой изумительных совершенств в делах военных экзерциций, Александр любил преимущественно за эту сторону, которая так радовала его душу. Константин Павлович, большой любитель «гатчинской муштры» и аракатеевской шагистики, искренно восторгавшийся теми «штуками», которые на смотрах проделывала французская армия, и тот ужасался теми крайностями, к которым приводило увлечение Александра фронтом. В 1817 г. он выразил даже уверенность, что гвардия, поставленная на руки ногами вверх, а головой вниз, все-таки промарширует – так она вышколена и приучена танцевальной науке.

Какая же разница между Павлом и Александром? В данном случае никакой: «жестокость и грубость, заведенная Павлом, не искоренились в царствование Александра, а поддерживались и высоко ценились» (М.И. Мур. – Апостол). Военищина возведена в идеал – недаром в период Веронского конгресса Александр с откровенностью говорил старой кн. Мещерской, что он презирает все, не носящее формы. «Люди гнусного вида во фраках» – так позднее характеризовал правительственный акт некоторых участников 14 декабря – очевидно, были глубоко антипатичны и Александру.

Быть может, любовь к фронту у Александра объясняется отчасти и свойственным ему формализмом. Ген. Ермолов говорил, что любовь к «симметрии» у Александра являлась наследственной хронической болезнью. Сенатор Фишер рассказывает, что Александр сердился, если лист бумаги, на котором представлялся доклад, был 1/8 дюйма больше или меньше обыкновенного. Если первый взмах пера не выделял во всей точности начало буквы А, император не подписывал указа.

С седыми волосами этот педантизм превращался в мелочную придирчивость. Он пишет, напр., Аракчееву 3 марта 1824 года: обратить внимание ст. секр. Оленина на то, что «писец сей мемории не соблюдает данного правила: более оставляет промежутков между словами». Немудрено, что и результатом наблюдений царственного путешественника по большим дорогам являлись почти исключительно указы, аналогичные следующим: при проезде через Серпухов замечено, что «почтальон имел неформенное одеяние и золотые канительные погоны (2 сент. 1823 г.); при проезде через Тверскую губ. усмотрено, что «Москва» не выкрашена положенною трехцветною краскою (21 авг.); при проезде через Новгородскую губ. он заметил, что нет узаконенного пограничного столба и что верстовые столбы стоят криво... Но любопытно, что Александр не заметил, что в «некоторых городах целая улица заносилась заборами, чтобы скрыть лачуги бедных жителей от взора императора».

Конечно, эта «фатальная мания», присущая, как заметил гр. Габрион в 1820 г., всей царской семье, была печальным наследием Павла I и Петра III. Только по какому-то недоразумению наблюдательный Массой мог сказать в своих воспоминаниях, что Александр от отца не унаследовал ни одной черты.

Гатчинский казарменный режим лишь усилил природные склонности Александра, которые не могло смягчить полученное им образование. Оно было в действительности слишком поверхностно, слишком рано кончилось (18 лет), не дав ему ни реальных знаний, ни дисциплины ума, ни самой элементарной привычки к умственной работе. При той праздности и лени, которую отметил в своем дневнике Протасов еще в 1792 г., не могло быть и речи о глубоком образовании, а какое было, легко выветривалось на вахтпарадах¹¹.

Мы можем лишь пожалеть, что живой и проницательный ум и возвышенные нравственные качества, которые отмечают воспитатели Александра, не получили развития и совершенно стусевались перед отрицательными чертами его характера. Эти отрицательные черты отметили те же воспитатели: «лишнее самолюбие», «упорство в мнениях, т. е. упрямство», «некоторую хитрость» и желание «быть всегда правым». Александра можно было бы упрекнуть в «притворстве», пишет один из этих ранних наблюдателей характера великого князя, если бы его осторожность «не следовало приписать скорее тому натянутому положению, в каком он

¹¹ Недостаток умственной дисциплины отмечает уже всю жизнь Александра. Об этой непривычке к умственной работе говорят нам почти все иностранцы, имевшие возможность наблюдать русского императора в каждодневной работе во время Венского конгресса. Их описание времяпрепровождения Александра можно характеризовать коротко: он не сидит за письменным столом, днем на маневрах, вечером танцует (см. еще в отделе «Мелочей»). Александр, от «природы ленивый», вообще не утруждал себя серьезной мыслью и серьезным чтением. Во время уроков Лагарпа преимущественно дремал. В юности знания его были поверхностные, и пока он был великим князем, «не прочел до конца ни одной серьезной книги» (по свидетельству Чарторижского), а позже, по словам Греча, он читал одни только французские романы и выписки из иностранных газет. До конца жизни он не знает и не интересуется русской литературой. Он не только ничего не читает по-русски, но даже плохо объясняется на своем родном языке. Совершенно таким же было и его знакомство с мистикой.

находился между отцом и своей бабушкой, чем его сердцу, от природы искреннему и открытому». «В нем есть не свойственная его возрасту осторожность, осмотрительность, похожая на притворство», – замечает и Массой, рисуящий облик молодого Александра, в общем, в крайне привлекательных чертах. Юность всегда скрадывает недостатки, она всегда до некоторой степени искренна. Но затем недостатки вырисовываются уже более рельефно. Однако и в юности неискренность Александра может удивить. Он пишет письмо Екатерине, в котором соглашается на устранение Павла от престола, а накануне в письме к Аракчееву называет отца «Его Императорское Величество». Недаром сам Павел считал сдержанность Александра, умевшего держаться перед бабушкой «добронравным автоматом», по выражению Кизеветтера, в действительности не чем иным, как простым лицемерием.

Гр. Эделинг (урожд. Стурдза) в своих воспоминаниях утверждает, что она знала человека, слышавшего непосредственно от Александра утверждение: «Если верно, что хотят посягнуть на права отца моего, то я сумею уклониться от такой несправедливости. Мы с женой спасемся в Америку, будем там свободны и счастливы, про нас более не услышат». В действительности Александр не только не спасся в Америку, не только не уклонился от «несправедливости», но и принял непосредственное участие в заговоре, устранившем отца от престола и лишившем его жизни. Правда, на другой день после убийства Павла он будет говорить шведскому послу Стедингу: «Я самый несчастный из людей». И тот убежденно ответил: «Да, Государь, вы действительно должны себя чувствовать таковым».

Каково было истинное самочувствие Александра, мы увидим. Но вот пока другой яркий пример его поразительного двоедушия.

В 1799 г. Аракчеев получает отставку. Александр, узнав, что на место его назначен Амбразанцев, выражает большую радость в присутствии людей, ненавидевших павловскую креатуру. «Ну, слава Богу... Могли попасть опять на такого мерзавца, как Аракчеев». А между тем незадолго до такого отзыва Александр изливается в дружбе и любви к этому «мерзавцу» и через две недели вновь пишет к своему «другу». С некоторой наивностью Мария Федоровна 14 марта 1807 г. дает мудрый совет своему сыну: «Вы должны смотреть на себя, как на актера, который появляется на сцене». Но Александр и так уж был хорошим актером. Проявляя самую нежную внимательность и почтительность к матери, он в то же время подвергает перлюстрации письма вдовствующей императрицы к Беннигсену и следит за ее отношениями к принцу Евгению Вюртембергскому, опасаясь материнского властолюбия¹². (Дневник-секрет М.Ф. Вилламова.)

В жизни Александр всегда, как на сцене. Он постоянно принимает ту или иную позу. Но быть в жизни актером слишком трудно. При всей сдержанности природные наклонности должны были проявляться. Не этим ли следует объяснять отчасти и противоречия у Александра?¹³

Понятно, что при таких условиях Александр производил самое различное впечатление на современников¹⁴. Их отзывы донельзя разноречивы. Правда, показания современников очень субъективны, далеко не всегда им можно безусловно доверять. Малую ценность для историка имеет официальное виршество Державина, его поэтическое предвидение высоких дарований нового императора: восторженно приветствуя одой восшествие на престол Александра, екатерининский гений с такой же восторженностью перед тем приветствовал и Павла. Мы не придадим ценности масонским приветственным песням: «он – блага подданных рачитель, он –

¹² Также перлюстрируется в позднейшее время переписка ближайшего друга Александра кн. Петра Волконского.

¹³ Их должна была отметить еще Екатерина: «этот мальчик соткан из противоречий».

¹⁴ Позднейший историк Венского конгресса, Фурньер, посвятивший много страниц роли Александра на конгрессе, говорит: «Еще и теперь историки считают его (т. е. А.) трудно уловимой натурой. Таким же он был и для своих современников, которые видели, как этот умный, способный, широкообразованный, беспрерывно колебался между патетическим идеализмом и хитрым расчетом (и затем осуществлением), быть любезным и противоположным капризом».

царь и вместе человек». Ведь это тоже полуофициальное виршество. Но когда люди различных лагерей сходятся в определении черт характера, когда панегиристы отмечают отрицательные его стороны, когда эти отзывы совпадают с фактами, которые мы знаем, тогда мы имеем полное право доверяться таким показаниям современников. И факты лишь объясняют то, что современникам казалось непонятным в загадочной личности императора Александра.

Среди голосов современников наибольшую, конечно, ценность имеют те, которые изображают нам непосредственные впечатления. Впрочем, кратковременное знакомство неизбежно приводило весьма часто к обманчивому впечатлению. Так было с г-жой Сталь. Она была в восторге от Александра, увидев в нем «человека замечательного ума и сведений». «Государь, ваш характер есть уже конституция для вашей империи, и ваша совесть есть ее гарантия», – сказала известная своей наблюдательностью французская писательница. Она очень плохо поняла императора, и ее слова в 1812 г. после ссылки невинного Сперанского могли скорее звучать иронией. Александр скромно отвечал г-же Сталь: «Если бы это было так, я все-таки был бы только счастливою случайностью». Но Александр в этом отношении далеко не был «счастливой случайностью». Также обольщен был и знаменитый Штейн, видевший в Александре лишь орудие осуществления своих патриотических целей. «Александр только и думает о счастье подданных и, окруженный несочувствующими людьми, не имея достаточной силы воли, принужден обращаться к оружию лукавства и хитрости для осуществления своих целей». Но сам император «постоянно действует блестящим и прекрасным образом: нельзя достаточно изумляться тому, до какой степени этот государь способен к преданности делу, к самопожертвованию, к одушевлению за все великое и благородное». Хотя тут же и Штейн должен сделать оговорку: Александру, «быть может, вообще не хватает глубины чувства и способности к продолжительным привязанностям».

Этот «сущий прельститель» действительно умел обольщать людей при первом знакомстве, и распознать его можно было только во времени. Такое разочарование должна была пережить прусская королева Луиза, искренне увлекшаяся «единственным Александром», каким он явился для нее на первых порах. 13 июня 1802 года Луиза пишет своему брату: «он распространяет вокруг себя счастье и благословение каждым своим решением. Каждый его взгляд создает кругом счастливых, людей, осчастливленных его милостями, его небесной добротой». «В вас воплотились все совершенства, – пишет она в 1806 г. самому Александру, – нужно знать вас, чтобы верить в совершенство». Правда, здесь со стороны Луизы звучал голос искреннего личного увлечения, находившегося в созвучии с той горячей любовью к родине, которая заставляла и Штейна верить в обещания Александра. Но для Александра все эти отношения к Луизе были лишь фазой расчетливого политического флирта. Дипломатия побудила его холодно обмануть любившую его женщину. И с горечью после Тильзита Луиза должна была замечать своей подруге: «Нет, правда, мир не лучший из миров, и люди в нем не лучшие из людей. Не нужно Лагарпов для моих сыновей». Правда, ей еще подчас кажется, что во всем виноваты окружающие люди. Но постепенно карты раскрывались, – «политический флирт» со стороны Александра должен был окончиться. Открылись и глаза Луизы. Побыв в Петербурге в 1808 г., встретив со стороны Александра холодное официальное отношение, столь разительное после прежних интимных и душевных взаимоотношений, оскорбленная в Тильзите, Луиза с горечью пишет той же своей подруге: «Человек, который любит только форму, это еще очень мало»¹⁵. В Луизе все еще говорит благородная любящая женщина, обманутая в своих ожиданиях.

Но несколько уже другой тон звучит в 1823 г., в отзыве французского посла графа Лафетона: «Я всякий день более и более затрудняюсь понять и узнать характер императора Алек-

¹⁵ Взаимные отношения Луизы и Александра очень ярко изображены в этюде А.К. Дживелегова, напечатанном в «Голосе Минувш.». 1913 г. № I.

сандра. Едва ли кто может говорить с большим, чем он, тоном искренности и правдивости... Между тем частые опыты, история его жизни, все то, чему я ежедневный свидетель, не позволяют ничему этому вполне доверяться...» «Самые существенные свойства его – тщеславие и хитрость или притворство; если бы надеть на него женское платье, он мог бы представить тонкую женщину», – говорит об Александре в своих записках Фарнгаген. «Характер Александра, – по отзыву Меттерниха, – представляет странную смесь качеств мужа и слабостей женщины». Отсутствие правдивости и прямодушия отметит нам и панегирист Александра Алисон. Притворство, по словам Михайловского-Данилевского, человека, близко сталкивавшегося с Александром, составляет «одну из главных черт характера» императора! «Я беспрестанно наблюдал Императора и во всех его поступках наблюдал мало искренности; все казалось личиной»; «Я сохраняю навсегда истинное уважение к великим его дарованиям, но не испытываю одинаковых чувств к личным его свойствам». Близкий Александру человек, гр. П.А. Строганов, отмечает ту же черту: «Наружная обворожительная любезность, за которой никто не мог уловить настоящих чувств его, и какая-то кокетливая скрытность чуть ли не перед самим собой». «Нет на свете государя более подозрительного, – записывает в сентябре 1814 г. большой поклонник Александра известный идеолог реакции Жозеф де Местр, – у него удивительное чутье и осторожность, чтобы отгадывать в людях, к чему они склонны».

Отсюда удивительное умение использовать людей, приспосабливаться к ним и строить свои собственные успехи на чужой доверчивости. «У Александра, – замечает А.А. Кизеветтер, – хитрость и лукавство, способность носить непроницаемую маску на своем прекрасном лице стало для него сознательным орудием самосохранения». Вернее, однако, орудием не самосохранения, а проведения своих целей. При таких условиях Александр мало кому из людей доверял. Непостоянство Александра прекрасно видели его друзья. «Поверь мне, – говорил кн. П.М. Волконский Данилевскому, – что через неделю после моей смерти обо мне забудут». Полагаться на благосклонность Александра нельзя – это общий голос всех его приближенных. Александр всегда говорил, что он не переменчив. Само по себе уже одно это постоянное упоминание кажется биографу Сперанского, бар. Корфу, подозрительным. Оно свидетельствует о противоположном. И быть может, только по отношению к Аракчееву мы видим известное постоянство, но «Аракчеев, – замечает Корф, – составлял не правило, а изъятие»¹⁶.

Иначе и не могло быть при том болезненном самолюбии, которое отличало Александра, – отличало, как мы видим, еще в детские годы. Он был самолюбив до крайности и вместе с тем злопамятен. «Государь так памятен, – говорил Трощинский, – что ежели о ком раз один

¹⁶ Причина непонятной привязанности Александра не так уже будет непонятна, если отрешиться от традиционного взгляда на благородный идеализм его натуры. Как было указано, интеллектуальность Александра не так уже была велика и не так уже была чужда понятия истиннорусского неученого дворянина Аракчеева. Роднили их одинаковые интересы и вкусы. Оба в жизни были к тому же большие актеры, и эта черта их также роднила. Чего стоит, напр., одна только поза Аракчеева, заведовавшего всем, пользующегося расположением Александра, хотя и временным, и униженно просящего кн. С.Г. Волконского замолвить «словечко» за него перед Винцегероде. Привязанность личная к Аракчееву объясняется в значительной степени, как показывает А.А. Кизеветтер, той ролью, которую играл Аракчеев во время юности Александра, ролью «самоотверженного дядьки, прикрывающего молодого барчука от грозного отца». Аракчеев исполнял более чем добросовестно эту роль дядьки. Как характерны, напр., такие сцены, когда Аракчеев являлся в спальню молодых супругов и, заставая их обоих в постели, тут же давал подписывать Александру рапорт о дежурствах и т. п. Лишь раз пробежала кошка между друзьями, когда в 1809 г. Аракчеев при организации Государственного Совета, т. е. при осуществлении якобы плана либеральных начинаний Александра, попросился в отставку. Он хотел испытать свою силу. И Александр очень определенно показал, что он без труда пожертвует своим другом. Он выразил в письме надежду впредь видеть лишь прежнего Аракчеева. И последний уже более не пытался прямо противоречить своему покровителю, идя путем оболочивающим, когда ему чего-либо надо было достигнуть, напр., свалить личного друга царя кн. Голицына. И Аракчеев стал единственным человеком, который мог быть почтен именем доверенного, как замечал гр. Ноаль в 1816 г. Александр работает только с Аракчеевым. Александра интересует главным образом «необыкновенное дело», им затеянное, т. е. военные поселения. Аракчеев же сумел, как никто, положить «хорошее начало», по собственному его выражению, после одной из жесточайших экзекуций в Высоцкой волости. И так как Аракчеева ненавидели действительно все другие сотрудники Александра, то последний в полном соответствии с истиной мог писать ему 22 сентября 1825 г. после убийства аракеевской любовницы: «У тебя нет друга, который бы тебя искреннее любил».

услышит худое, то уже никогда не забудет». Александр всегда жаловался, что у него нет людей, что он окружен бездарностями, глупцами и мерзавцами.

Жалуется на это Державину, Энгельгарту, Киселеву и др.: «Я не верю никому, я верю лишь в то, что все люди мерзавцы». Такой вывод мог бы явиться результатом привычки играть в жизни на слабых струнах другого.

И однако, как метко заметил Кочубей Сперанскому: «Иные заключают, что государь именно не хочет иметь людей с дарованиями!» Способности подчиненных как будто даже ему неприятны: «Тут есть что-то непостижимое и чего истолковать не можно», – добавлял Кочубей. Но в действительности у человека болезненно самолюбивого, стремящегося играть во всем первенствующую роль, черта эта совершенно естественна и понятна. Александр не переносил, когда обнаруживалась какая-нибудь его слабость, даже не слабость, а намеки на то, что он поступил под чьим-либо влиянием. Шишков из авторского самолюбия неосмотрительно сообщил великой княгине Екатерине Павловне, что он автор записки, побудившей Александра в 1812 г. оставить армию. Когда это обнаружилось, Шишков принужден был оставить должность государственного секретаря. Сперанский на себе более, чем кто-либо, испытал непостоянство Александра. Александр, конечно, не верил в его измену. По словам Лористона, «главная вина Сперанского состояла в нескромных отзывах об императоре». Поддаваясь в данном случае требованиям реакционных кругов, Александр отнюдь не хотел признаться в этой слабости и с гневом рассказывал проф. Парроту об измене Сперанского¹⁷. Перед Сперанским он был другим: «На моих щеках были его слезы», рассказывал Сперанский. А потом тщетно Сперанский старается оправдаться перед Александром: письма его систематически остаются без ответа.

Очевидно, Греч в значительной степени был прав, сказав про злопамятность Александра: он никогда прямо не казнил людей, а «преследовал их медленно со всеми наружными знаками благоволения и милости: о нем говорили, что он употребляет кнут на вате».

Александр неоднократно говорил, что он любит правду, любит ее сам говорить, любит ее и слушать. «Вы знаете, – писал он Екатерине Павловне, – что я не люблю создавать себе иллюзий, я люблю видеть все так, как оно есть на самом деле». «Я слишком правдив, – писал он Ростопчину по известному делу Верещагина, – чтобы говорить с вами иначе, как с полной откровенностью. Его казнь была не нужна, в особенности ее отнюдь не следовало производить подобным образом. Повесить или расстрелять было бы лучше». Это писал Александр 6 ноября 1812 г., когда невинность Верещагина была ясно доказана, когда против Ростопчина говорило все общественное мнение, возмущенное жестокой расправой. Александр мог в 1801 г. сказать Ламбу, возражавшему против какого-то распоряжения по военной части: «Ах, мой друг, пожалуйста, говори мне чаще: н е т а к. А то ведь нас балуют». Ответ этот привел в восторг И.М. Муравьева-Апостола, сообщавшего в письме к С.Р. Воронцову: «Все подобного рода анекдоты нынешнего восхитительного царствования». Но в действительности Александр не терпел, чтобы ему говорили п р а в д у. Он никогда не мог простить Карамзину резкость тона в его записке, порицавшей начинания первых лет царствования, показывавшей ошибки Александра, с чем – под влиянием событий – Александр чувствовал себя вынужденным согласиться. Он не мог переварить малейшей откровенности, малейшей критики и порицания своих действий. Весьма не понравились Александру возражения старика И.В. Лопухина против милиции в 1806 г. Лопухин высказывался против побуждения со стороны правительства к денежным жертвованиям и упоминал лишь о том, что он видел «от того ропот даже не между бедным купечеством». Болезненное самолюбие проявлялось даже в таких мелочах. Сам если не масон, то якобы сочувствующий масонству, Александр посещает ложу «Трех добродетелей». А.Н.

¹⁷ Реальной «виной» Сперанского было лишь самовольное присвоение себе права читать дипломатическую перлюстрацию (см. Ник. Мих. «Александр»).

Муравьев, согласно масонскому обычаю, давая объяснения императору, обращается к нему на «ты», как к брату. Александр был сильно шокирован подобным обращением и впоследствии не забыл этой карбонарской выходки будущего декабриста.

При таком отношении к людям, скрывая даже от близких свои потаенные мысли, Александр обосновал на этой своеобразной дипломатии всю свою правительственную политику. Часто его приближенные с удивлением узнавали *post factum* то или иное действие, предпринятое по инициативе императора. Эти действия предпринимались иногда без ведома даже ответственных руководителей того или иного министерства. Император был сам своим министром, – писал Лебцельтерн. И это действительно было так с первых же годов царствования, особенно в политике международной. Что может быть характернее того факта, что о назначении мемельского свидания с прусской королевской четой не знали ни Кочубей, ни Чарторижский. А это шло вразрез с той общей иностранной политикой, которую вело как бы с согласия императора Министерство иностранных дел. Современников чрезвычайно поражала эта черта императора, скрывавшего от своих сотрудников не только свои предположения и действия, но иногда и факты. Чаадаев, прибывший за границу к Александру с сообщением о волнениях в Семеновском полку, был поражен, услышав от своего шефа приказ ничего не говорить об этом кн. А.С. Меншикову, бывшему начальником канцелярии Главного штаба. В 1809 г. записки Сперанского передавались Александру через камердинера Мельникова с вымышленными печатями, дабы об этом не узнал Аракчеев. Вспомним, как таинственно позже, что называется через заднюю дверь, вводится к императору арх. Фотий, дабы об этом не узнал преждевременно друг Александра и враг Фотия кн. Алекс. Голицын. И так было постоянно и по отношению ко всем. Когда в июле 1825 г. Александр по просьбе Аракчеева принимает Магницкого, он озабочен, чтобы последний не встретился с Карамзиным, которому также назначена аудиенция. Он просит Фотия утешить Аракчеева в связи с убийством Минкиной, ибо «служение графа Аракчеева драгоценно для отечества» и требует «хранить в тайне» его письмо.

Одним словом, вся внутренняя политика была построена у Александра на сплошном обмане. У него вошло в обычай посылать особых доверенных лиц для выполнения тех или иных заданий, минуя своих министров: так, посылается без ведома министра иностранных дел Румянцев в 1805 г. в Берлин с секретным поручением к Фридриху Вильгельму кн. П.П. Долгоруков, так посылается Винцегероде к Наполеону в 1812 г. или позже Мишо де Боретур к римскому папе¹⁸. Особенно ярко сказалась усвоенная Александром система управления в эпоху Отечественной войны, в период которой почти к каждому из главнокомандующих приставлялись особо доверенные для царя лица, которые должны были доносить непосредственно Александру. Надо ли говорить, что в это время подобная политика была особенно неуместной¹⁹.

Понятно, что при таких условиях ни один более или менее крупный человек не мог быть долгое время в фаворе у Александра. Понятно, почему русские министры приобрели, как отмечает Меттерних в одном из писем к Лебцельтерну, плохую привычку своим сообщениям придавать краску, которая, как им кажется, будет приятна их венценосцу.

И вся эта политика Александра основывалась исключительно на самолюбии и на жажде личной славы.

Этими именно чертами его характера можно объяснить много загадочных противоречий в деятельности Александра. Искание популярности, желание играть мировую роль, пожалуй, и были главными стимулами, направляющими деятельность Александра. Как человек без определенного мирозерцания, без определенных руководящих идей, он неизбежно должен был бросаться из стороны в сторону, улавливать настроения, взвешивать силу их в тот или иной

¹⁸ См. заметку С. Мельгунова: «Был ли Александр католиком». Факты, характеризующие эту своеобразную политику Александра, собраны в исследовании Ник. Мих.

¹⁹ См. статью «Вожди армии».

момент и, конечно, в конце концов подлаживаться под них. Отсюда неизбежные уколы самолюбия, раздражение, сознание утрачиваемой популярности. Быть может, такова неизбежная судьба всякого игрока – и особенно в области политики. Доведенная даже до артистического совершенства, подобная игра должна была привести к отрицательным результатам. Таков и был конец царствования Александра I, когда, в сущности, недовольство охватывало и реакционные и либеральные круги русского общества. Реформаторские порывы, парализованные своей половинчатостью, не удовлетворяли и тех, на кого мог опереться Александр и у кого он снискал популярность на первых порах, не удовлетворили они и тех, кто свято блюл заветы старины. Глубоко ошиблась Екатерина в своем предвидении: «Я оставлю России дар бесценный – Россия будет счастлива под Александром».

А между тем мы з н а е м, что Александр начал царствовать при самых благоприятных ауспичиях. Его воцарение было встречено дворянством с восторгом. «После бури, бури преужасной, днесь настал нам день прекрасный», – распевала гвардия. Русский посол в Италии Бороздин, узнав о смерти Павла, дал бал.

«Самому Тациту, – подтверждает Булгарин, – не достало бы красок для изображения той живой картины общего восторга, который овладел сердцами при вести о воцарении Александра». «Наш ангел», – писал о нем упомянутый Муравьев-Апостол; Александр, «хотя и рожден на троне, носит в сердце все чувства, составляющие сущность гражданина и друга человечества», – продолжает восхвалять в своей переписке 1803 г. неудержимый дифирамбист молодого императора его прежний воспитатель Лагарп, по своей наивности не понимавший той прямой отставки, которую он к этому времени получил.

Невозможно, конечно, сказать, каковы были душевные мысли самого Александра. Вряд ли, однако, Александр был так наивен, чтобы думать, что «достаточно пожелать добра, чтобы осчастливить людей», и что благоденствие само водворится без всяких усилий с его стороны. Быть может, в его голове и роились грандиозные планы реформы «безобразного здания империи», убаюкивающие его самолюбие. Его туманные мечтания давали повод говорить о его величии, о молодом монархе, который горит желанием «улучшить положение человечества»; предрекать, что Александр вскоре получит в Европе преобладающее влияние; намекать на то, что это крайне нежелательно «для некоторых равных Александру по могуществу, но бесконечно ниже его стоящих по мудрости и доброте», т. е. намекать, что Александр может явиться достойным соперником великого Наполеона, как это делал Стоп в письме к Пристлею. Наполеон нес с собой деспотизм. «Ныне это – знаменитейший из тиранов, каких мы находим в истории, – писал Александр в 1802 г. по поводу объявления Наполеона пожизненным консулом. – Завеса упала; он сам лишил себя лучшей славы, какой может достигнуть смертный... доказать, что он без всяких личных видов работал единственно для блага и славы своего отечества». Именно таким бескорыстным деятелем должен был стать сам Александр, с тяжелым сердцем отказавшийся от добровольного изгнания, от мечтаний блаженствовать в сельском уединении, променявший скромную ферму на порфиру и корону только для того, чтобы посвятить себя «задаче даровать стране свободу».

Нельзя забывать и того, что этот либерализм диктовался условиями времени. Русское дворянство, отнюдь не склонное к мечтательным идиллиям о человеческом благе, еще менее чувствовало симпатии после кошмарного царствования Павла к проявлению самодержавного деспотизма; в нем достаточно сильны были олигархические тенденции. Обещание царствовать по законам Екатерины означало водружение старого знамени – дворянской монархии. И первые либеральные меры Александра восторгом встречались безотносительно к их либерализму – это была оппозиция прошедшему «царствованию ужаса».

«При восшествии В.И.В. на престол, – свидетельствует позднейшая критическая записка, вышедшая из дворянских кругов, – блестящая перспектива открылась очам народа; торже-

ственное обещание управлять по законам и сердцу августейшей бабки Вашей сосредоточило к Вам все надежды и сделало Вас предметом всеобщего обожания».

Если событие 11 марта 1801 г. «подобно коршуну терзало его (Александра) чувствительное сердце», если «наподобие гётевскому Фаусту» ничто не могло «заглушить в нем немолчного голоса совести», то в равной мере на него действовало и впечатление страха.

Убийство Павла теперь достаточно выяснено. Очевидна и роль в нем Александра. Переворот совершился с ведома Александра. Много фактов подтверждают слова Палена Ланжерону: «Мне казалось невозможным действовать без согласия и даже содействия вел. кн. Александра». Это содействие выразилось, как известно, в назначении на караул Семеновского полка вне очереди. Плац-майор Михайловского дворца Аргамаков утверждал даже, что Александр непосредственно убеждал его вступить в заговор «не за себя, а за Россию». Если Александр имел после убийства вид человека, удрученного грустью и растерянного неожиданным ударом рока» (де Саглен), то все же он косвенно был отцеубийцей. Недаром Александр, узнав об убийстве Павла, воскликнул: «On dira que je suis un parricide» (скажут, что я отцеубийца).

И можно скорее удивляться, как мало в своей жизни он от этого страдал, особенно в эпоху позднейших религиозных переживаний.

Для личности Александра чрезвычайно характерно отношение к заговорщикам. Естественно, что он их не мог карать, раз сам участвовал в заговоре, хотя этого и требовал, быть может, престиж трона, как то пытался доказать Александру Лагарп в письме от 30 октября 1801 г. «Убийство Императора в его собственном дворце, – писал бывший воспитатель молодого царя, – в лоне его семьи не может остаться безнаказанным, без того, чтобы не попать божеских и человеческих законов, не скомпрометировать достоинство монарха, не подвергнуть нацию опасности стать добычей недовольных, достаточно дерзких, чтобы отмстить монарху, распорядиться его троном и принудить его преемника даровать им безнаказанность». «Государь! – продолжает Лагарп, – только беспристрастное, публичное, строгое и быстрое правосудие может и должно обуздать подобные покушения». В ответ на это письмо Александр постарался поскорее избавиться от надоедливой ментора и выпроводил его из России.

Таким образом, баварец Ольри, писавший к себе на родину из Петербурга, что Лагарп «сохранил за собою полное доверие своего августейшего ученика», что до отъезда Лагарпа из России и во время его последнего пребывания в Петербурге император именно у него искал отдыха от дел и черпал советы, – глубочайшим образом заблуждался.

Из всех участников заговора наиболее враждебное отношение к себе испытали гр. Н.П. Панин и кн. Яшвили. Первый не был даже в числе непосредственных убийц Павла. Почему же по отношению к нему так прочна была опала? Не потому ли, что Панин, по его словам, обладал «одним автографом» для доказательства, что все «получило санкцию» Александра. Каков был этот автограф, к сожалению, мы не знаем. Зато мы знаем другой автограф, послуживший причиной ненависти Александра к кн. Яшвилю. Он напечатан у вел. кн. Ник. Мих. – это письмо Яшвиля к молодому царю. Письмо заканчивалось призывом быть на престоле, «если возможно, честным человеком и русским гражданином. Человек, который жертвует жизнью для России, вправе Вам это сказать. Я теперь более велик, чем Вы, потому что ничего не желаю, и если бы даже нужно было для спасения Вашей славы... я готов был бы умереть на плахе; но это бесполезно, вся вина падет на нас, и не такие поступки покрывает царская мантия!» «Дерзновение» Яшвиля никогда не было прощено самолюбивым Александром. Отсюда негодование Александра на Кутузова, осмелившегося во время Отечественной войны принять Яшвиля на службу: «Вы сами себе приписали право, которое я один имею». Мелочного Александра возмутило то, что Кутузов в объяснение оговаривался, что он не знал, что Яшвиль под присмотром, но что «по его разумению сей человек... может быть очень полезен». Характерный штрих

для Александра: в выговоре Кутузову он подписывается «всегда благосклонный», в пометке же для Аракчеева это сопровождается припиской «какое нахальство».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.